

Всех Москва. — 2000. — 14 июня. — с. 6

Танго у пирамиды Хеопса

Борис Мессерер посвятил свою выставку автору «Москвы—Петушков»

Борис Мессерер — один из самых красивых мужчин отечественного искусства. Узнаваемый, непредсказуемый, «разный». На выставке станковой графики и инсталляций в Музее изобразительных искусств имени Пушкина поначалу кажется: Мессерер — прежде всего «человек времени», а художник — это уже следом.

Дарья АКИМОВА

Хозяин «вечеров на Поварской», больше того — хозяин целого мира не богемной даже, а — артистической мастерской. Мира, в котором были Иосиф Бродский и Веничка Ерофе-

ев. Мира, который грозит зрителю превращением в жену Лота — все смотрел бы да смотрел в прошлое, не отрываясь.

Мир мессереровской мастерской склоняет даже не к литературе в виде мемуаров, а к синтезу всех искусств. Музыка (классика и «легкость»), литература

(стихи прежде всего остального), живопись, наконец...

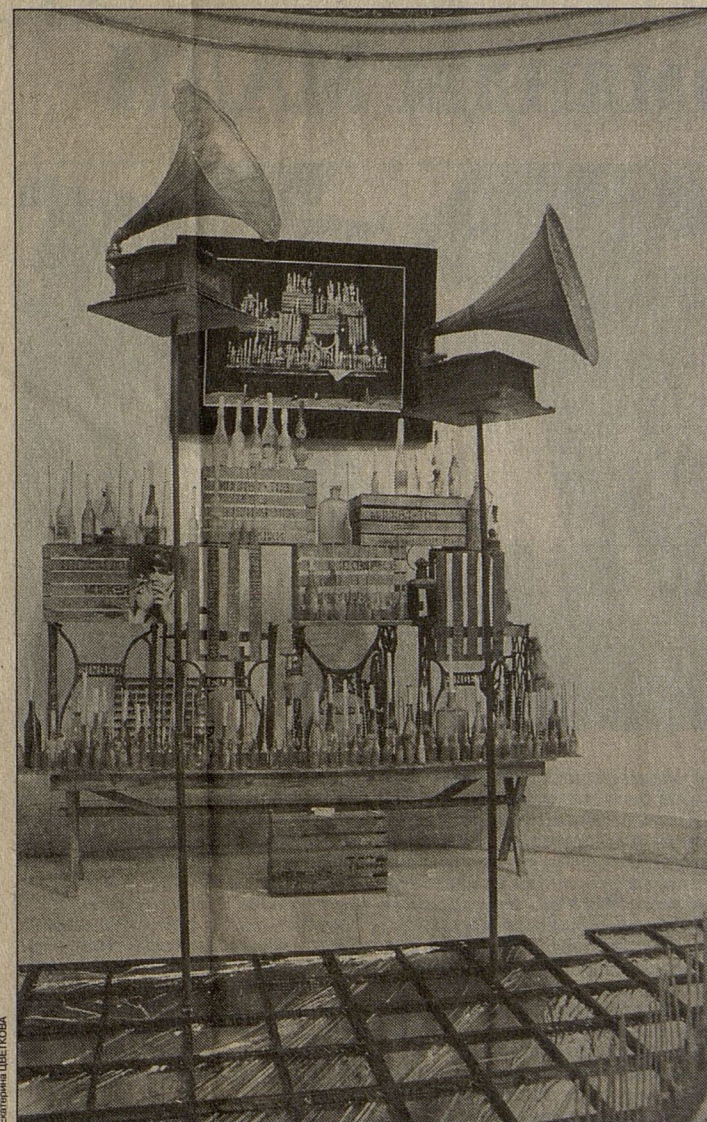
Органная музыка — вначале. Что-то болящее и пронзительно вневременное. «Реквием по Венедикту Ерофееву», которому и посвящается выставка. Мессереровский орган составлен из певучих пустых (увы!) бутылок-подсвечников, истекающих восковыми слезами. Как водится, предметы прозаические приспособляются к искусству.

Что редкостно: мессереровский орган относится к искусству «объективному», то есть его ноту слышат все — одинаково. Как ноту египетских пирамид. Объективность для художников-наших современников непривычна: ее не производят уже ох как давно. Ну неинтересно какой-нибудь яркой индивидуальности одинаково всеми восприниматься! Вот и получается, что Мессерер — «неоткуда» и с 78-го года (создания «Реквиема») реально прошло тысячелетие.

Тут же, рядом с «Реквиемом», танго. Вы представляете себе танго возле пирамиды Хеопса? Мессерер представляет. Его руки представляют, его краски — сильные, мрачные, ритмичные. Извините, возбуждающие. Это смертельное танго, после которого не выживет ни один из партнеров. Это жреческое танго, настоящего названия которого мы никогда не узнаем.

А из пластичной страстной боли возникает изысканная театральная закулидность, полуулыбки и полуобещания. Мессерер лукаво заводит в дебри подсознания, обещает дорогу ясную, которую грудью проложим... а сам и уваливает от ответов. И не повторяется ни разу — ни в технике, ни в теме.

И «вдруг» (именно «вдруг») осеняет: вот вам и «хозяин мастерской своего времени»! Да ни-

Реквием по Венедикту Ерофееву. 1978-80

чего подобного. И Веничка, и время — это важно, но это не главное. Мессерер просто художник, который забавляется с

нами и с мифом о своей мастерской так себе, мимоходом. Он живет не для нас. Он просто «ищет». Кажется, найдет.

